

У городских ворот на глазах у изумленной толпы взметнулось к небесам исполинское пламя, повергнув всех в оцепенение.

Позже, когда у очевидцев пытались выведать, как же выглядела легендарная божественная птица, те лишь озадаченно застывали, а после неуверенно лепетали:

— Огромная... Словно крыша терема.

А на расспросы о деталях лишь махали руками:

— Да помилуйте! Уши от того птичьего клекота заложило так, что до сих пор звенит. Перед глазами только сияние небесное разлилось, где уж там было разглядывать!

Немые от изумления люди застыли перед этим величием. Те самые горожане, что еще четверть часа назад кипели праведным гневом, теперь безропотно падали ниц.

— Божественная птица... Снизошла в наш мир!

Взмах исполинских крыльев — и волна алого пламени обратила тучи гнуса в невесомый пепел.

Издав чистый, пронзительный клекот, птица Бифан взмыла над надвратной башней и устремилась туда, где замерли в противостоянии два войска.

Дева-змея ошеломленно смотрела на тающие в воздухе струйки дыма, неосознанно сжимая в руке поперечную флейту.

«За триста лет в мире духов лишь один сумел вознестись и обрести божественную плоть...» — у нее перехватило дыхание, а уродливый шрам между бровей исказился, приняв зловещие очертания.

«Неужели это он? Но как он мог выжить?!»

Цзюнь Жухэн никогда прежде не испытывал ничего подобного.

Он парил в вышине, над облаками, слушая свист яростного ветра. Внизу, под его распростертыми крыльями, копошились крошечные человеческие фигурки. Стоило ему сделать крутой вираж и пойти на снижение, как люди, повинувшись инстинкту страха, повываывали оружие.

Вздыбился лес клинков и копий — эта картина показалась смутно знакомой, всколыхнув в глубине души чужие, болезненные воспоминания прежнего владельца тела.

Цзюнь Жухэн не мог понять, что это, но чувствовал, как его духовной обителью овладевает чуждая, неодолимая сила. Она пробуждалась от гнева и росла вместе с ним, поглощая разум.

Когда столкновение двух волей достигло предела, в голове Цзюнь Жухэна громом отозвался чужой голос:

«Убей их!»

«Истреби каждого в трех мирах, кто предал меня!»

Едва родившись, эта мысль принялась яростно терзать его разум. Казалось, мириады каменных древоточцев хлынули в голову, пожирая остатки рассудка. Цзюнь Жухэн понимал, что это древняя, затаенная обида божественной птицы, но не ожидал, что она окажется настолько разрушительной.

«Гордыня затмевает разум, высокомерие рождает слепоту, преграждая путь к истине»

Наблюдавший за этим издалека Чи Сяюй натянул поводья. На его лице отразилась глубокая тревога.

«Какой жуткий сердечный демон...» — сокрушенно подумал он.

Исполинский силуэт резко качнулся, и птица камнем рухнула прямо на ряды мятежников.

Ударная волна раскидала передовой отряд из сотни воинов. Кони скользили по гравии, оглашая воздух диким ржанием и скрежетом подков. Среди всеобщего хаоса мощные когти перерубили натянутую тетиву тяжелой баллисты, и стопудовая деревянная машина с грохотом повалилась набок.

Тушань среагировал мгновенно. Оттолкнувшись от стремян, он увлек Чу Яня за собой, и они кубарем покатались по земле. В то же мгновение над самой гривой их лошади со свистом пролетела стрела толщиной в детскую руку.

У Чу Яня перехватило дыхание от страха. Приподнявшись на локтях, он в ужасе уставился на Тушаня — верный слуга лежал ничком, и половина его лица, изодранная стальным тросом, превратилась в кровавое месиво.

— Тушань, ты...

— Молодой господин, бегите!.. — не успел договорить преданный слуга.

Огромные когти сомкнулись на его ворота. Птица легко оторвала Тушаня от земли и швырнула прочь, словно тряпичную куклу.

— Тушань! — истошно закричал Чу Янь.

«Дело дрянь!» — мысленно выругался Чи Сяоюй и, изо всей силы вонзив шпоры в бока коня, понесся к крепостной стене.

Рассудок окончательно покидал Цзюнь Жухэна.

Прищурив длинные глаза, он резко развернулся. Его черные, точно покрытые лаком зрачки полыхнули яростью — в них больше не осталось и следа от прежнего легкомыслия и мальчишеского задора, лишь леденящее величие и жажда крови.

«Месть! Месть!»

В ушах набатом густел тяжелый гул крови, заглушая любые звуки, кроме этого неистового призыва. Издав трубный, клекочущий крик, птица взмахнула огненными перьями и огненным метеором ринулась на отряд Чу Яо.

Воины не успели опомниться, как их скакуны, почувств смертельную опасность, испуганно захрапели и бросились врассыпную. Всадники безуспешно натягивали поводья, но обезумевшие животные сбрасывали их под копыта. Началось беспорядочное бегство.

И лишь Чу Яо оставался неподвижен посреди этого хаоса. Он негромко прикрикнул на своего вороного жеребца, и тот, несмотря на дрожь, послушно замер. Наследный принц поднял голову на шум. Прежний ледяной взгляд, которым он только что без промаха разил врагов, исчез, уступив место детскому недоумению.

Смотря на стремительно приближающийся огненный силуэт, Чу Яо лишь растерянно нахмурился, беззащитно открывая шею навстречу когтям.

— А-Хэн?.. — тихо спросил он.

Этот тихий голос, подобно прохладному ветру, мгновенно развеял безумную ярость, вернув Цзюнь Жухэну каплю самообладания. Он судорожно взмахнул крыльями, гася скорость, и его острые, как стальные серпы, когти лишь срезали красный султан с шелома принца.

— Тварь! Я убью тебя!

Чу Янь поднялся на ноги. Позор поражения и кровь преданного Тушаня окончательно лишили его рассудка. В этот миг люта злоба и зависть выжгли в его душе всякую физическую боль.

Он мертвой хваткой сжал окровавленную рукоять. Сквозь прорехи в разбитом доспехе на землю выпало стеклянное зеркальце и тут же с хрустом разлетелось под его сапогом. Шатаясь, Чу Янь бросился к огромной птице, но на полпути резко развернул клинок и с безумной точностью нацелил его в грудь Чу Яо!

Удар был слишком внезапным — увернуться было невозможно. Да и сам наследный принц даже не шелохнулся.

Раздался влажный, глухой звук разрываемой плоти.

Чу Яо так и остался сидеть в седле. Лишь на его бледный лоб брызнула горячая кровь и медленно потекла по переносице к подбородку, капая на сжимавшую поводья ладонь. Ожигаяще теплая, живая.

Чу Янь, пронзенный когтями Цзюнь Жухэна, вместе с огромной птицей рухнул навзничь.

После глухого удара о землю к Цзюнь Жухэну начали возвращаться человеческие чувства. Птичий облик спал, и в угасающем сознании эхом отозвался чей-то тихий шепот.

Он с трудом повернул голову и оцепенел. Чу Янь уже испустил дух, но его широко раскрытые мертвые глаза и застывшая на губах глумливая усмешка выглядели зловеще.

В ушах резко зазвенел механический голос:

****[Угроза низкого уровня устранена. Временная награда готова к получению]****

Цзюнь Жухэн вздрогнул. В его голове роились десятки вопросов о сути этого мира и его собственном теле.

«Неужели прежний владелец этого тела был всего лишь обычной духовной птицей?»

«Откуда взялась эта всепоглощающая жажда убийства?»

«И что значили предсмертные слова Чу Яня?»

Однако система хранила молчание.

Цзюнь Жухэн обреченно вздохнул, осознав, что этот бездушный механизм годен лишь на то, чтобы отсчитывать шаги по заготовленному сценарию.

— Ладно, забудь, — мысленно пробормотал он. — Какова моя награда?

Виски пронзила острая, словно от иглы, боль. В разум хлынул поток разрозненных чужих воспоминаний. Не выдержав тяжести нахлынувших образов, Цзюнь Жухэн провалился в беспамятство.

Битва за пределами городских стен подошла к концу.

Дева-змея, оценив обстановку, скользнула вниз по крепостному валу, извиваясь длинным чешуйчатым хвостом. Едва ее ладони коснулись земли, сбоку налетел резкий порыв ветра. Она попыталась уклониться, но противник оказался быстрее: два пальца с силой вонзились точно в ее уязвимое место, ниже шеи. Тело девы-змеи мгновенно одеревенело.

Чи Сяюй небрежно подул на свои пальцы и с усмешкой протянул:

— Змеиная желчь столетнего гада — редчайшее сокровище, грех упускать.

Весеннее солнце радовало жителей столицы недолго. Стоило календарю перешагнуть за четвертый месяц, как южные земли Цзяннани накрыли затяжные проливные дожди.

После бурной ночной грозы мощный внутренний двор Обители Созерцания Волн оказался усыпан опавшими лепестками дикого жасмина. В отличие от суровых, раскидистых усадеб северного Цзичжоу, дома вдоль туманной реки Циньхуай славились изяществом и утонченностью. В воздухе плыл густой сладковатый аромат, оживляя картины из древней поэзии о неге и праздности юга.

Увы, вся эта живописная красота предназначалась тем, кто ценить ее не умел.

По усыпанной белым ковром дорожке стремительно прошагал тяжелый сапог, оставив грязный след на нежных лепестках. Подол темно-красного халата с вышитыми летящими рыбами взметнул их в воздух, и один из лепестков, покружившись, опустился на край письменного стола.

— В Зале Воинской Доблести уже получили известие о прибытии ваших кораблей, — заговорил гость. — Государь передал, что если вы оправились от дальней дороги, то вам надлежит немедленно явиться во дворец с докладом. Обитель Созерцания Волн, спору нет, хороша, но в императорских покоях вам будет куда покойнее.

В официальном облачении офицера Илуань Чи Сяюй утратил прежний вид бесшабашного бродяги. Сейчас, стоя со спокойной и прямой осанкой, он вполне походил на верного слугу престола. Впрочем, этот «верный слуга» большую часть времени оставался лишь ширмой.

Когда они еще были в Цзичжоу, Цзюнь Жухэн пытался разузнать о прошлом лекаря, но наследный принц открыл ему лишь долю правды. На самом деле Чи Сяюй был не только молодым преемником Долины Фэнъюнь, но и тайным агентом гвардии Илуань при Северном умирительном управлении.

В свое время лекари Долины Фэнъюнь получили высочайший указ излечить наследника престола от поразившего его ледяного яда. Когда старый мастер Чи Мо уже стоял на пороге успеха, в долину глубокой ночью ворвались неизвестные в призрачных масках и вырезали всю обитель до единого человека.

Единственный сын лекаря, находившийся тогда в странствиях, чудом избежал гибели. Поскольку юноша унаследовал все тайные познания своего отца, император Вуле повелел ему продолжить лечение принца. Чтобы вольный сын рек и озер не привлекал лишнего внимания при дворе, государь пожаловал ему скромную должность в личной гвардии. Сам же лекарь принял этот знак отличия лишь ради того, чтобы под прикрытием службы докопаться до истины и найти убийц отца.

Несмотря на чин, Чу Яо никогда не обременял лекаря дворцовым этикетом. Помимо редких осмотров, Чи Сяюй был волен идти куда вздумается, поэтому во время мятежа в Цзичжоу никто не придал значения его исчезновению с личным жетоном Восточного дворца. По правде говоря, даже если бы Цзюнь Жухэн не явил свое истинное обличие на поле боя, приведенное лекарем подкрепление все равно стерло бы мятежников в порошок.

С момента подавления мятежа в землях Янь прошел почти месяц.

— Разве я не просил тебя передать отцу, что после умирения бунта мне нужно уладить еще несколько важных дел на месте? — не поднимая глаз, спросил Чу Яо. В его пальцах покоилась изящная кисть из кроличьего ворса, которой он небрежно выводил иероглифы на тонкой бумаге.

Чи Сяюй прочистил горло:

— Когда дело касается военной силы, Его Величество всегда проявляет излишнее беспокойство. Ну или... государь просто соскучился по сыну, ведомый великой родительской любовью.

Кончик кисти замер. Наследный принц смерил лекаря холодным взглядом. Тот и сам понял, насколько нелепо прозвучали его слова, и негромко усмехнулся.

Чу Яо отложил кисть и осторожно поправил шелковую ткань на мягкой подушке рядом с собой.

— Сводки от четырех гвардейских корпусов уже доставили?

Чи Сяюй извлек из широкого рукава запечатанный свиток и почтительно протянул его принцу.

Чу Яо быстро пробежал глазами по строкам.

Принц Янь, Чу Линьюй, разыграл эту партию как по нотам. Он загреб жар чужими руками: пусть бунт и подняли под его знаменами, во главе войска стоял его побочный сын, с которым он годами не виделся, а костяком армии стали остатки разбитых отрядов принца Хань. Сам же хозяин северных земель формально остался чист перед законом.

Внимательно изучив список заговорщиков, принц отметил, что почти все обреченные им на гибель вельможи угодили в расставленные сети. Не хватало лишь одного имени — главнокомандующего гарнизоном Ганьчжоу Ван Ту.

— Ваше предупреждение пришло вовремя, — пояснил Чи Сяюй. — Царь палачей успел повернуть назад до того, как его силы столкнулись с правительственными войсками. Так что в расстрельных списках его имя не значится.

— Кто-нибудь еще знает об этом?

Лекарь шагнул ближе и понизил голос:

— Все шито-крыто, уверяю вас. Ван Ту прекрасно понимает, кому обязан жизнью, и клянется отдать за ваше высочество и душу, и тело.

Чу Яо лишь брезгливо хмыкнул:

— Преданность этого мясника мне без надобности. Пусть лучше скорее разузнает то, о чем я просил. Времени у него в обрез.

Чи Сяюй кивнул в знак согласия.

Резкий порыв ветра дохнул сыростью. Лекарю показалось, что чем ближе они подбирались к столичному Цзиньлину, тем холоднее и жестче становился нрав его господина.

В этот момент край шелкового покрывала соскользнул, явив миру крошечное пушистое крыло Цзюнь Жухэна. После недавнего превращения маленькая духовная птица лишилась почти всех сил. К счастью, никаких тяжелых увечий она не получила — лишь впала в глубокий, беспробудный сон, который не прервал бы и самый грозный весенний гром.

Немного помедлив, Чи Сяюй решился спросить:

— Вы так и не оставили мысль о ритуале пожирания душ? Слова того бродячего монаха могут оказаться пустой выдумкой. К тому же, птица Бифан лишена части души, без всех трех сущностей совершить таинство невозможно.

Чу Яо бережно провел ладонью по мягким перьям, остановив пальцы там, где билось маленькое сердце.

Благодаря контракту согласия сердец он отчетливо ощутил, как ровное и сонное дыхание птицы участилось, стоило ему прикоснуться к груди. Крошечное сердце заколотилось отчаянно и быстро, отдаваясь пульсацией в кончиках пальцев принца, проникая в самую его душу.

Наследного принца затапливало упоительное чувство безраздельной власти. Словно вся жизнь этого существа — от вздоха до удара сердца — теперь принадлежала только ему одному. И Чу Яо упивался этой властью.

— Ты ведь знаешь, сколько лет я шел к этой цели, — негромко отозвался он, бережно поглаживая заснувшую птицу. Из-под его пальцев проступили тускло сияющие золотые нити контракта. — Окропить драконью жилу кровью — мой единственный путь. Пусть ритуал пожирания душ опасен, но разве я оставлю его одного?

Зная непреклонный нрав своего господина, Чи Сяюй лишь тяжело вздохнул и не стал спорить. Поклонившись перед уходом, он добавил:

— Слухи о явлении божественной птицы уже достигли дворца. Позволю себе дать совет: то, что ведомо вам, может быть известно и Его Величеству. Если вы хотите сберечь этого воробышка до самого конца, будьте предельно осторожны.

<http://bllate.org/book/18274/1750182>